

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИЯ

УДК 655.552

doi: 10.26907/2541-7738.2021.1.190-205

АНТИЧНОСТЬ, FICTION, ИЛИ О ПОСТРОЕНИИ МИРОВ ГУМАНИТАРИЯМИ: РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГИ

Д.Е. Мартынов

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

В статье рецензируются три современных романа разных авторов, вышедших в течение 2020 г. Объединяет тексты то, что авторам для решения их задач потребовалось использование реалий античного Рима. Фантастический роман Марика Лернера «Практическая уфология» не выходит за рамки сниженного «попаданческого» жанра, и разнообразные справочные сведения из римско-византийской жизни не слишком уместны в приключенческом тексте. Новый роман профессионального историка Ольги Елисеевой «Триумфатор» может быть обозначен как «ученый», поскольку содержит множество отсылок и «якорей», доступных лишь образованному человеку. Основная канва включает синтез личностей и действий Юлия Цезаря и Константина Великого, поэтому писательница задействовала мотив фантастического мира, в котором Римскую республику заменяет Лациум и Вечный Город. В этом мире действуют и христиане-назореи, которым уготована важная роль в будущем романного мира. Трилогия профессионального политолога Бориса Толчинского «Божественный мир» содержит самую радикальную инверсию реальности. Данные тексты могут быть обобщены как «имперская литература», отсылающая к постсоветским реалиям и проектам поиска лучшего будущего.

Ключевые слова: научная фантастика, фэнтези, альтернативная история, литературный мир, античность, Древний Рим

Как совершенно справедливо утверждал К.Г. Фрумкин¹, важнейшим понятием анализа фантастической литературы является «фантастический мир» [1, с. 145]. Фантастический и шире – литературный мир не сводится лишь к рамкам литературного текста, в которых существует. Бесспорно, литературный мир возникает в воображении читателя, которое, в сущности, вообще не связано с текстом и не тождественно ему. «Сотворчество» писателя и читателя стало ключевым для постмодернистских подходов к литературоведению и психологии; С. Лем называл

¹ Фрумкин Константин Григорьевич (род. 1970) – журналист и культуролог. Лауреат премии им. А. Беляева (2009) и целого ряда журналистских премий. Кандидат культурологии (2003). Один из инициаторов создания и координатор Ассоциации футурологов. Член Ассоциации исследователей фантастики (АИФА).

это явление «семантическим реконструктором», находящимся в голове каждого читателя (цит. по [1, с. 146]). Согласимся с К.Г. Фрумкиным, что текст фантастического произведения является рабочим кодом, который должен запускать «машину фантазии» [1, с. 146]. Создание собственной фантастической вселенной является одной из важнейших задач фантастической литературы, которая и определяет своеобразие этого литературного домена. Литературные (фантастические) миры могут быть почти неотличимыми от воспринимаемой нами текущей реальности, но могут быть сконструированы по неким замыслам автора, которые, возможно, потребуют от читателя квалификации и сильного напряжения фантазии и интеллекта [1, с. 147]. Принципиального отличия фантастического текста от реалистического не существует: оба должны создавать у читателя наглядную картину демонстрируемой реальности.

В зависимости от творческого замысла и квалификации писателя миры могут быть самоцелью, главным объектом авторского вдохновения (целые вымышленные планеты, как в «Гелликонии» Брайана Олдиса (1982–1985), «Осмотре на месте» Станислава Лема (1982) или «Анафеме» Нила Стивенсона (2008)) либо, напротив, «налепливаться» по потребностям сюжетной конструкции, что было характерно для произведений братьев Стругацких. Нынешние молодые читатели А. и Б. Стругацких, уже привыкнув к сериалам в медиа-среде и в литературе, любят рассуждать о «нестыковках» в авторской вселенной.

Плохой писатель не имеет власти над мирами и героями. Такова диалогия «Волчья натура» В.Н. Васильева (1999–2000), в которой описываемое человечество произошло не от приматов, а от собак, что вообще никак не сказывается на развитии сюжета. Как выразился один из критиков, язык этих произведений «чудовищен»². Примером удачного цикла в поджанре «альтернативной биологии» является трилогия Г. Гаррисона «Эдем» (1984–1988), в которой противостоят палеолитические охотники на мегафауну умеренных широт и высокоразвитая биологическая цивилизация разумных рептилий, порожденная влажными тропиками. Впрочем, подобные эксперименты требуют от писателя большой эрудиции и не гарантируют успеха у широкой читательской аудитории.

Специфика исторического развития постсоветских стран, сопряженная с тотальной ревизией исторического наследия и ценностных ориентиров, сильно сказалась на развитии так называемого альтернативно-исторического жанра. В конце 2000-х годов он трансформировался в интернет-среде, а затем и в коммерческом книгоиздании в так называемое «попаданчество»³. С него и начнем.

Ромейская цепь Марика Лернера

Израильский писатель Марик Лернер, пишущий на русском языке и широко представленный на российском книжном рынке, известен большим количеством

² См. сайт «Лаборатория фантастики» (URL: <https://fantlab.ru/work9999>).

³ Вероятно, впервые мотив попадания – неважно, каким образом – современника в прошлое (или псевдоисторическую и фантазийную альтернативную реальность) использовал Марк Твен в ироническом романе «Янки из Коннектикута при дворе короля Артура» (1889), в котором прошлое было сатирической инверсией рыцарского романа. Первым текстом, в котором в прошлом действует специалист ради сознательного изменения этого прошлого, был роман Л. Спрэг де Кампа «Да не опустится тьма» (1939), в котором в Готское государство VI в. попадает историк-латинист, стремящийся не допустить завоевания Италии Византией. Количество текстов современной российской литературы и сетературы, использующих данный прием, едва ли поддается подсчетам.

книжных циклов в «попаданческом» жанре⁴. У нас была возможность дать характеристику одному из его внецикловых произведений, но лишь с содержательной, а не литературной точки зрения [2, с. 14–15]. Очередной его роман «Практическая уфология» (ПУ) увидел свет в коммерческой серии «Наши там», само название которой помогает потенциальному читателю сориентироваться. Публикуясь более десятилетия и имея в своем багаже несколько десятков объемных текстов, автор практически не совершенствовался в «ремесленном» отношении, что подразумевает «гладкость» литературного языка, умение выстраивать сюжет и вязать эпизоды, демонстрировать психологически достоверные образы, разнообразить речь персонажей. Собственно, коммерческий жанр, развивавшийся в pulp-журналах США после «Великой депрессии», предполагает увлекательность сюжета и соблюдение формулы «количество экшна равно объёму продаж»⁵ (WP). Герои при этом могут быть сколь угодно «картонными», поскольку яркость авторского мира и число приключений на страницу являются превалирующими. К сожалению, уровень притязаний автора и воспитанная советской школой и советской же культурой литературоцентричность совершенно не соответствуют друг другу. Хуже того, автор, вероятно, даже не представлял себе потенциальной читательской аудитории.

К сожалению, нам не известно, кто именно – автор или выпускающий редактор издательства – предложил название романа. Судя по появившимся в интернет-сообществе высказываниям первых читателей, все мыслимые ошибки в этом отношении были сделаны. Слово «уфология» крайне дезориентирует, ибо в романе речь идет хотя и о пришельцах из иного измерения, но не имеющих никакого отношения к «зеленым человечкам». Автор явно увлечен историей античного мира, особенно историей Римской и Византийской империй. Даже главы именуется «агонами» (как в древнегреческой драме), а вместо завязки и эпилога – «эпизодий» и «эпод». Проблема заключается только в одном: образованный читатель все это уже видел и воспринял в других местах. Главный герой Игорь (в эподе обнаружится, что он имеет отношение к ФСБ), оказав помощь незнакомцу, на которого напали гопники, переносится в параллельный мир. Механизм перехода заимствован из классического НФ-романа Клиффорда Саймака «Кольцо вокруг Солнца» (1953): «Нашему миру предшествует опережающий его на секунду мир, в то время как еще один мир на секунду отстает от нашего...» (ПУ, с. 40–41). Освоенных романами миров, соответственно, тридцать два. Примечательно, что М. Лернер нашел точки бифуркации в позднеантичной Восточной Римской империи, престол которой заняла династия из Нулевого мира – обладатели магии, позволяющей открывать межмировые порталы, контролируемые храмом Януса – бога открывания и закрывания дверей. Здесь заложена важная идея еще одного классика научной

⁴ Марик Лернер (род. 1966) – современный писатель-фантаст, печатающийся на русском языке. Родился в СССР, после службы в армии и распада страны эмигрировал в Израиль, где проживает до сих пор. Дебютировал в 2009 г. трилогией «Другая страна», сюжет которой основан на посылке, что Израиль был создан еще в 20-е гг. XX в. (цикл не опубликован на бумаге). В жанре альтернативной истории выдержан цикл «Мусульманская Русь» (2011) (князь Владимир предпочел ислам православию), а в «попаданческом» ключе выполнена тетралогия «Цель неизвестна» (2015–2016), в которой вселение нашего современника в юного М.В. Ломоносова полностью изменило все последующие события. Существуют у автора и несколько романов и циклов в жанре фэнтези, причем последний из них – «Выбор жизни» (2020) – вышел одновременно с (ПУ) в серии «Магия фэнтези».

⁵ Перевод наш. – Д.М.

фантастики – А. Кларка: при достижении определенного уровня развития технология перестает отличаться от магии (ПУ, с. 42).

Фабула романа очень проста: пришелец из России XXI в. вынужден осваиваться в ведущей экспансионистские войны Рوميةйской империи. Фактически М. Лернер воспользовался литературным приемом, свойственным утопической, а не приключенческой литературе: героя волею его хозяев перебрасывают с места на место, принуждая осваивать новую реальность параллельно с языком, нравами и обычаями. Ввиду почти полного отсутствия литературности (у М. Лернера очень сухой язык, а речь разных героев почти не отличается) обратимся к особенностям изображаемой реальности. Поскольку она основана на реально существовавшей Античности (как ее представляют исследователи), можно выделить несколько нюансов, которые помогают автору решать собственные задачи. Один из них – роль литературного языка: как и в Византии эпохи Юстиниана, языком высшей администрации и законодательства является латынь, но большинство населения говорит на общегреческом койне, в обиходе именуемом «ромейским языком»⁶. Языковые коды – универсальны; невозможно получить общественное признание и уважение, не владея литературным языком (ПУ, с. 47–48). Другая особенность первого и второго Рима – экстенсивный характер развития – также схвачена автором: «Зачем улучшать земледелие, если земли немерено в соседнем мире? Похоже, вторжения идут перманентно, в том числе и для этого. Садись на телегу, берешь скот и в придачу получаешь освобождение от налогов на пять лет, пока не устроишься. К тому же крестьяне в обжитых местах очень не любят, когда их заставляют сажать нечто непривычное» (ПУ, с. 92).

Автор не миновал и сюжетного хода, который часто встречается в фантастике, использующей античные мотивы: в мирах ромеев не возникло или не развилось христианство, хотя вполне процветают многообразные позднеантичные культы, наподобие митраизма (с этим последним аборигены связывают и главного героя)⁷. Очень верно подмеченный момент: «На отношения с богами ромеи смотрели поделовому: люди обязаны чтить богов установленными обрядами, боги должны за это помогать людям. Нарушишь обряд – лишишься помощи. А процесс был на редкость сложным. Если в молитве запнуться или пропустить слово, она теряет силу. Поэтому для важной литургии требовалось по меньшей мере четыре человека – один читал текст, другой повторял за ним, третий следил за тишиной, четвертый играл на флейте, чтобы боги не слышали ничего, кроме молитвы, и не отвлекались. Религия узаконивалась государством и от него получала власть над совестью людей: нельзя было ничего изменить ни в учении, ни в богослужении без особого постановления сената. Он дарует, например, новым богам право гражданства или приказывает принять меры к уничтожению суеверий, противных духу национальной религии! И тут Игорь окончательно завис. Он так и не уловил разницу между суевериями и верой» (ПУ, с. 171–172).

Практически только в эподе становится понятным, зачем автору понадобилось излагать множество сведений об античной повседневности (*Pauly's "Real-Encyclo-*

⁶ Вымышленная автором пословица: «Ромей говорит на латыни с начальством, на койне с купцом и чиновниками, с дедом на кельтском, с бабкой на германском, с женой на тюрки, а детей и вовсе не понимает, сильно умные после школы с высоким стилем» (ПУ, с. 124).

⁷ О митраизме (ПУ, с. 198–200).

pädie der Klassischen Altertumswissenschaft” («Реальная энциклопедия науки о классической древности») во всех смыслах лучшее руководство, нежели фантастический роман), разбавленных картинками иных миров, связанных воедино сетью железных дорог, проходящих межмировыми порталами. М. Лернер – сложно судить, насколько сознательно – положил в основу территориально-политического устройства своей Ромеи не реально существовавший «архипелаг полисов», а вполне реальный российский неофеодализм 90-х годов XX в., когда страну сохранили в прежних границах только Транссиб и ветки нефте- и газопроводов (ПУ, с. 310–311). В общем, автор, по словам В.В. Розанова (хотя М. Лернер далеко не М. Горький), «всё что-то где-то ловит: – в какой-то мутной водице какую-то самолюбивую рыбку. Но больше срывается, и насадка плохая, и крючок туп. Но не унывает. И опять закидывает» [3, с. 293].

Две империи: Рим и Лациум

Следующий раздел нашего обзора почти не будет иметь отношения к фантастике. Начнем с «имперской темы», поскольку практически все тексты, о которых сообщается в настоящей статье, так или иначе существуют в ее контексте. Придется согласиться с давнишней идеей О. Славниковой, что литературоцентризм оказал глубочайшее воздействие на жителей бывшей Советской империи: «Само устройство русской литературы некогда стимулировало человека быть, во-первых, главным героем, а во-вторых, героем положительным. Долгое время казалось, что эти “во-первых” и “во-вторых” принципиально совместимы. Соцреализм работал над этим, неизменно подгоняя художественное решение под готовый ответ. Однако центробежные силы сместили главного героя прозы на периферию социального бытия. <...> Тоска по империи – это не только ностальгия по “совку”, или жажда “сильной руки”, или сумма накопившихся обид предельно частного лица, которое все-таки заставили каяться в не им совершенных злодеяниях и платить за не им разворованные международные кредиты. Желание любого нормального гражданина быть частью силы, а не частью слабости по-человечески понятно» (Сл.) Нам представляется, что корни этого явления намного глубже, и восходят, по меньшей мере, к педагогическому классицизму XIX в. Добавлять что-то к классическому обзору Ф. Мищенко⁸, вероятно, излишне [4].

Ситуации в литературе это касается напрямую. Индивидуальный опыт знакомства с имперской темой в беллетристике автора рецензии шел в два этапа параллельно распаду образовательных структур Советского Союза и переносу центра тяжести с темы восстания Спартака на собственно величие Империи. В «Спартаке» Р. Джованьоли (ДС) описания римских красавиц и интерьеров для пубертата были значительно интереснее, чем битвы, а его же «Мессалина» (М)

⁸ Фёдор Герасимович Мищенко (1848–1906) – русский эллинист, переводчик. Окончил историко-филологический ун-т Св. Владимира (Киев). Командирован в Европу на два года, до 1884 г. преподавал в Киеве, тема докторской диссертации «Опыт по истории рационализма в древней Греции» (1881). Преследовался полицией за украинофильские взгляды. В 1889–1903 гг. служил ординарным профессором Казанского университета, был редактором «Ученых записок». Член-корреспондент Императорской академии наук (1895). Известен классическими переводами объемных текстов Страбона, Демосфена, Геродота, Фукидида и Полибия (последние три – впервые целиком представлены на русском языке), переиздаваемыми и поныне.

не увлекла. Не увлекли и «Грахи» Милия Езерского⁹ (ВИН). Перебирая свою читательскую биографию на втором этапе (в 90-е годы), автор рецензии может засвидетельствовать, что набор текстов был самым разнообразным, от «Quo vadis?»¹⁰ Г. Сенкевича и «Я, Клавдий» Р. Грейвза¹¹ (ЯК) до «Последних римлян» Т. Еске-Хоиньского¹² (ПР) и, разумеется, «Юлиана Отступника» Д.С. Мережковского (ЮО). Поневоле возникают параллели с английской живописью рубежа веков, когда крупнейший викторианский антиковед Лоуренс Альма-Тадема и десятки его эпигонов писали британских джентльменов и леди (или изредка итальянских эмигранток) в римских драпировках и помпейских интерьерах, проводя прямые параллели с величием Британской империи. Польские патриоты отождествляли себя с христианскими мучениками при Нероне, возглашая смертью, что Империя не вечна и ничтожна перед ценностями мира иного. Противопоставление законности и порядка первого, католического Рима и насквозь коррумпированной православной Византии (да еще и заповененной «варварами» на службе) у Т. Еске-Хоиньского еще более прямолинейно. Ежи Кавалерович, экранизируя роман Г. Сенкевича, для разработки мизансцен, реквизита и грима дал художникам ориентир на картины Генрика Семирадского. Кстати, во всех перечисленных текстах хватает разного рода декадентской экзотики и чувственности, хотя до орнаментальной детализированности «Саламбо» Г. Флобера (ФС), увы, далеко. При всех различиях перечисленные тексты объединены одним – это настоящая литература, созданная выдающимися или, по крайней мере, незаурядными писателями.

Такие же эпитеты можно прилагать к только что вышедшему роману О. Елисеевой¹³ «Триумфатор» (Т), анонсированному издательством в ноябре 2020 г.

⁹ Милий Викентьевич Езерский (1891–1976) – русский советский писатель. Публиковался с 1923 г., наиболее известен циклом исторических романов («Братья Грахи» (1936), «Марий и Сулла» (1937), «Триумвир» (1939), «Конец республики» (1940)), посвященных Римской республике. Все его тексты перешли в разряд детской литературы. Также писал на тему северных народов России и русских поморов; опубликовал роман «Тарас Шевченко» (1931); повесть «Дмитрий Донской» (1941). Раннее его творчество вызывало одобрение М. Горького. В 30–40-х гг. подвергся массовой критике в советской печати, в первую очередь из-за выхода за пределы официального метатекста, структурируемого представлениями о «революции рабов» [5, с. 130].

¹⁰ Субъективно мы предпочитаем перевод Е. Лысенко (QV).

¹¹ Роберт Грейвз (*Robert Ranke Graves*, 1895–1985) – английский писатель и критик. Его мать была внучатой племянницей знаменитого немецкого историка Л. фон Ранке. Роман «Я, Клавдий» (ЯК), вышедший в 1934 г., был написан от лица императора, поскольку в античных источниках упоминалось о его воспоминаниях. Также Р. Грейвз известен многочисленными трудами по древнегреческой мифологии.

¹² Теодор Еске-Хоиньский (*Teodor Jeske-Choiński*, 1854–1920) – польский писатель и публицист. Учился в Германии и Австро-Венгрии (Познань, Бреслау, Прага, Вена), проделав путь от инженера до литератора. Печатался с 1880 г. В Варшаве входил в руководство общества «Польский костер» и редколлегия журнала *Niwa*. Перейдя на консервативные позиции, эмигрировал: в 1889–1910 гг. проживал в Париже, позднее во Львове и Вене, в 1915 г. вернулся в Варшаву. Тематика произведений формировалась в оппозиции Г. Сенкевичу, с которым писателя связывали дружеские узы. Основа творческого кредо – прославление «универсальных европейских ценностей», которых насчитывал четыре: греческая философия, римское право, христианский универсализм, германская государственность. Антимодернистская и «антипрогрессистская» позиция обрекла творчество писателя на забвение. В современной Польше его наследие активно пропагандируется, после 1989 г. переиздавались все его произведения, в том числе антисемитская публицистика.

¹³ Елисеева Ольга Игоревна (род. 1967) – российский историк. Член Союза писателей России, отв. секретарь Историко-просветительского общества «Радетель». Состоит в редколлегиях альманаха «Историческое обозрение». Окончила Московский историко-архивный институт (ныне часть РГГУ) и аспирантуру Института российской истории (ИРИ РАН), работала ответственным редактором издательского центра «Аванта+», а также в РГГУ. Автор десяти монографий и научных публикаций по истории России XVIII – XIX вв. Несколько книг вышли в серии «Жизнь замечательных людей», отмечены наградами. В 2000 г. дебютировала как автор историко-фантастического жанра.

и немедленно приобретенному автором этих строк. Мы можем дать немало лестных определений мастерству Ольги Игоревны – историка и биографа; знакомство с ее ипостасью писателя оказалось для рецензента первым. Такова тенденция нашего времени, ясно прослеживаемая после 90-х годов, – активное литературное творчество ученых-гуманитариев. Качество созданных ими текстов, разумеется, не может быть равноценным. На наш субъективный взгляд, «Таинственная самка» китаиста-религиоведа Е.А. Торчинова (2013) оказалась неудачной; равным образом, «Цвингер» переводчицы У. Эко Елены Костюкович (2013) даже близко не подбирается к объектам ее профессиональной деятельности. Напротив, можно очень высоко оценить, например, тексты П. Алешковского («Арлекин» (1994)) и, в особенности, Р. Шмаракова («Книга скворцов» (2015), «Овидий в изгнании» (2011)). Книга О. Елисейевой одновременно выбивается из этого ряда и органично входит в него. Ключом к ее пониманию станет понятие литературного мира в «ученом романе».

Собственно, термин «ученый роман» – китайский (才藻小说 *cáizǎo xiǎoshuō*); прискорбно, что западное литературоведение им не пользуется. Лу Синь¹⁴ разъяснял значение термина очень просто: «Демонстрация талантов и учености с помощью романа» (цит. по [6, с. 29]). В западной литературе начало этому жанру было положено «Аргенидой» Джона Беркли (А), опубликованной на латинском языке в 1621 г. Этот роман породил гигантское количество подражаний и определил облик французского прециозного романа и политических аллегорий. И хотя сюжет условно античный, в тексте нет прямого действия волшебства или пасторально-лирических мотивов, зато ученому читателю предоставляется возможность испытать свою эрудицию, а также счастье узнавания и гордость знатока.

В этом месте ненадолго вернемся к тем романам на тему Древнего Рима, которые перечислили выше. Обыкновенно их принадлежность определяется как «историческая», но это не дает возможности разложить дихотомию «фантастика/реализм». Причина очень проста: даже профессиональный историк не всегда в состоянии сообщить, «как это было на самом деле». Причем граница пролегает именно там, где начинается литература. Психология. Раскодировка смыслов реальности в слове. Слишком плохо мы представляем себе древнюю психологию, а беллетристика не приемлет академического стиля.

Роман О. Елисейевой не нуждается в гандикапе по жанру – это художественная литература, созданная зрелым мастером, который решает задачу через передачу характеров и психологическую лепку образов, помещенных в соответствующие локации. В авторской реальности О. Елисейевой нет Рима и *Res Publicae Romanae*, но существует Вечный город в Лациуме и Республика. Повествование начинается с отрешения под пустяковым предлогом протагониста Авла Луция Мартелла от должности верховного военачальника (Т, с. 3, 24). Прототипом Авла, бесспорно, был Гай Юлий Цезарь¹⁵, но размах деятельности

¹⁴ 鲁迅 (1881–1936) – выдающийся китайский писатель и литературовед, основоположник современной китайской литературы.

¹⁵ Историк найдет такие намеки: преномен Авл отсылает к Авлу Постумию Альбину – легату Цезаря в начале гражданской войны. Номен Луций вообще многозначен, ибо его носили основатель Республики Луций Юний Брут, предшественник Цезаря диктатор Луций Корнелий Сулла и даже император Луций Вер (соправитель Марка Аврелия), что указывает на роль главного героя в романном мире. Наконец, когномен Мартелла может отсылать как к многочисленным Марцеллам (в том числе убийце Архимеда), так и к Карлу

первого много шире – «от лесов Ареции до песков Гиркании, утесов Бетики и людоедов Гебаша»¹⁶, не говоря уже об усмирении пиратов Срединного моря (Т, с. 4). Автор щедр на аллюзии такого рода: например, упоминается «знаменитый демагог» Публий Цицера (Т, с. 8). По когномену можно опознать Цицерона, а преномен Публий может отсылать как к Вергилию, так и к историку Публию Корнелию Тациту. Интродукция вполне классична, при желании здесь можно отыскать отсылку к Юлиевым «Запискам о Галльской войне», открывающимся географическим описанием страны, в которой происходит действие. Конкретное же время действия не обозначено никак, даже в условном латинском исчислении; читатель определяет его косвенно по персонажам и расстановке сил. Смещение времен не создает анахронизма, хотя неудачная шутка Цицеры спровоцировала облаву на назаретян в катакомбах, когда их возглавлял Симон (Т, с. 236, 241). Соответствующая глава названа горько-иронически «Кто во всем виноват?». Символом назаретян является рыбка – известный раннехристианский опознавательный знак (Т, с. 279).

Героя посылают на завоевание некоего Болотного Края, бедного и отдаленного, что для него гораздо унижительнее обычной ссылки. Хуже того, латинский народ винит его в том, что величайший политик бросил своих людей на произвол судьбы, отвернулась любовница и старые друзья. Для рецензента как ценителя литературы важна сцена прощания Авла Луция с женой, с которой у него два десятилетия шла «молчаливая война» (и причина ее превосходно описана): «“Ну где бы ты была со своим хваленым папашей! На третьем ряду скамей в цирке. Да, именно там сидят матери и жены легатов. А ты поднялась до первой, ценила бы!” Судя по всему, Папея не ценила. Она и так принадлежала к патрициату, ей ли благодарить и кланяться?» (Т, с. 11). Увы, статья посвящена другому предмету, поэтому сугубо литературные достоинства романа более расписывать не будем. Ограничимся лишь таким суждением: автор не ставила своей задачей воссоздать душевный мир древних римлян, но отбирала те чувства и способы их выражения, которые (известные нам по поэзии и прозе) не противоречат нашим нынешним. Кстати, касается это и политической составляющей, в жизни правителя неотделимой от эмоциональной: «Нельзя показывать слабину. А он разрешил умирающей республике еще какое-то время агонизировать в надежде, что граждане сами поймут всю ее подлую, воровскую сущность. Не поняли. А могли ли понять? Сами подлецы и воры, они просто обречены на подобный режим» (Т, с. 28). Соответственно обрушивается на этот народ и кара: герой выживает на далекой окраине и ведет покоренные им племена обратно, на Град, который некому защитить, ибо правители его поражены корыстью и себялюбием и не воспринимают реальности.

Мартеллу – майордому франков, деду Карла Великого. Про жену протагониста, Папею Лерию Магну, говорится, что ее отец – Луций Корнелий Магн (отсылка к Сулле), а само ее имя отсылает к супруге Нерона Поппее Сабине, выстраивая ассоциацию с (QV).

¹⁶ Профессиональный читатель найдет здесь отсылки к Реции – Швейцарии (или Арицию – вотчине Вокониев, соратников Гракхов) и Бетике – Португалии. Гиркания (совр. Мазендеран) – обычный для Древнего Рима символ Востока вообще (наподобие вульгарного русского «Чуркестана»). Гебаш – несуществующая в нашей реальности местность, семитский по фонемам топоним, вызывающий ассоциации с Библом – Геблом (в нынешнем Ливане), а может быть, и с шабашем...

Важнейшей доминантой истории Древнего Рима было появление многочисленных монотеистических сект, из которых наибольшим влиянием пользовалась христианская; перевод Библии на официальные языки империи: латинский и греческий¹⁷ – и принятие христианства в качестве официальной религии знаменуют переход от римской истории к византийской. Христианская община возникла в Риме очень рано, о чем свидетельствуют Нероновы гонения, ставшие основой для множества литературных произведений. О. Елисеева, творя собственный мир Лациума, поместила «назаретянское» учение в те декорации, которые были необходимы ей самой. В конце концов, Сын Человеческий и Учитель Мира, Свет Истины присутствовал в текстах Кумранской общины за два века до Боговоплощения. Автор ненавязчиво демонстрировала римскую модель религиозности – индивидуальной и коллективной, в которой любовь Фортуны к полководцу переходит на его солдат (Т, с. 19). Ужасна сцена, в которой Авл обрекает свою любовницу из галлотов-галлов на жертвоприношение: «Такую жертву оценят по достоинству. <...> Оторвал от себя – значит, уважает местных богов, готов поделиться самым дорогим» (Т, с. 55–56). Для богов-покровителей тот, кто приносит жертву, становится «своим». И в этом контексте нужен даже лар¹⁸ (которого ученые греки именуют *даймоном*), обеспечивающий главному герою спокойствие в самый тяжкий момент жизни и дар видеть во плоти тех, кого он убил (Т, с. 41, 86). Дань историка античным представлениям? Не только. «Там страшный порог – покаяние. Не переступить. Сил не хватит. А тварь каждый день их все высасывает и высасывает!» (Т, с. 92). Одни из самых сильных страниц, ненавязчиво отсылающих к «Жизни Аполлония Тианского» (АТ) и «Золотому ослу» (ЗО), посвящены римской женской магии и приворотам, играя важную роль в сюжете, позволяя взглянуть на отношения Авла с Папеей с ее точки зрения (Т, с. 104–115). Не станем утверждать при этом, что сцена гадания на Сибиллиной книге (Т, с. 228–229) не является отсылкой к гаданию Панурга по Гомеру и Вергилию из «Гаргантюа и Пантагрюэля» (Р, с. 225–228)¹⁹.

Другой доминантой истории Рима Старого, реального, была его религиозная природа. Само название *Roma* было именем богини, истинное, тайное имя города было ведомо лишь верховному понтифику, чей титул затем перенял римский епископ. Император Марк Аврелий Север Антонин (сириец-военачальник, известный нам под фамильярным прозвищем «Каракалла»), даруя всем жителям империи римское гражданство в 217 г., оформил это в своем указе как приобщение всех стран к почитанию римских богов. Это была лишь первая попытка: полководец-объединитель Аврелиан в 270 г. попытался ввести единый культ

¹⁷ Существует точка зрения, что Септуагинта была проектом еврейской общины Александрии, которая в Птолемеевском государстве стремилась уберечь свою идентичность от эллинизации. Предположительно, государство покровительствовало лишь переводу Пятикнижия, и очевидно, что процесс перевода всех 22 книг Ветхого Завета был длительным; вдобавок, существовало несколько альтернативных переводов, осуществляемых в I – II вв. в христианской и иудео-христианской среде; возможны и более ранние семитские переводы – Таргумы и сирийская Пешитта. Блаженный Иероним, работая над латинским переводом (Вульгатой), использовал для Ветхого Завета как еврейский оригинал, так и параллельные греческие переводы Акилы, Симмаха и Феодотина, сведенные воедино Оригеном (так называемая «Гексапла»).

¹⁸ Чаще термин используется во множественном числе. Ларами римляне называли многочисленных домашних и семейных божеств с самыми разнообразными функциями. Августин Блаженный, ссылаясь на Апулея, утверждал: римляне верили, что добрый человек после смерти также становится ларом.

¹⁹ Вообще, иронических отсылок к истории достаточно в романе: «Секутор у ворот!» (Т, с. 231), остров Сцилл (Т, с. 295) и т. д.

Непобедимого Солнца. В романном Лациуме ситуация интереснее: переход к Империи от республики произошел по причине того, что старые боги умолкли и отзывались лишь по индивидуальному запросу и после обильных жертв. «Если Лациум растет и вознамерился стать империей, то старое устройство не годится. И старый союз со старыми богами тоже. Это понимали единицы. И Авл среди них. <...> С ним не договориться, потому что он опытен, знает потроха республики и презирает эти потроха. Считает грязью. Мерзостью перед лицом... Божьим» (Т, с. 225). Гонения на назареев в этом контексте воспринимаются героями как большая жертва древним богам (Т, с. 242). И Авл в другой ситуации, но по тому же поводу вопрошает: «До каких пор прощать? Есть ли предел?» (Т, с. 260). Что же касается мученичества Симона, то с исторической точки зрения вызывает восхищение его трактовка, отсылающая, скорее, к манихейству, нежели к раннему христианству: ради победы проконсула Авла «требовалось положить жизнь и принять муку. Не потому, что нужно доказать Богу свою преданность. А чтобы высвободить свет, который они – братья и сестры – уже накопили в себе. Этим светом, как щитом, будет закрыт город от нападений злых духов, мешающих им утвердиться здесь. Этот свет проложит дорогу в Лациум тому, кто сам погряз во тьме, но поможет свет преумножить» (Т, с. 267–268). И после определенных событий Авл Мартелл напоминает уже не Цезаря, но Константина Великоимператора. И даже его противник – спешно избранный диктатор Вечного Города – носит имя Максенций. И дан ответ, почему побеждали назаретяне в Вечном Городе и христианские легионы одолели языческие – Максенция – в Риме Старом: «Многих... приманили не чудеса, а глубокое внутреннее убеждение: иначе они не спасутся» (Т, с. 287). И буквы «ХР» сияли в небесах, и раздался глас: «Сим победишь» (Т, с. 302). Империя возникла. За ней было будущее.

«Божественный мир»

С «Божественным миром» саратовского политолога Б.А. Толчинского²⁰ автор этих строк познакомился еще на третьем курсе университета. Два томика с иллюстрациями А. Дубовика на глянцевой обложке до сих пор находятся в его домашней библиотеке (НВ; БВС). Сохранились в памяти и пережитые ощущения – интеллектуальное и эмоциональное развитие уже позволяло воспринимать практически все авторские коды, – а также разочарование от отсутствия продолжения, которое явно напрашивалось. Возвращение обновленного цикла в 2017–2020 гг. да еще и знакомство с его автором (пусть через посредство социальной сети Facebook) стимулировали заново перечитать роман и поделиться свежими впечатлениями.

Обновляя содержание своего официального сайта²¹, Б.А. Толчинский принял грандиозный проект авторского комментария ко всему циклу, который обозначается как «Божественный мир»: единый роман, вышедший в трех книгах (разбивка на главы и части в них непрерывна), именуется «Наследники Рима», а тома обозначены первоначальными заголовками (БМ1–БМ3). Литературные

²⁰ Толчинский Борис Аркадьевич (род. 1969) – российский политолог и писатель. Кандидат политических наук (1994, тема диссертации «Политический компромисс»). Участвовал в работе комиссии по разработке Конституции Российской Федерации 1993 г. С 1988 г. регулярно издавался как политический публицист и аналитик.

²¹ URL: <https://boristolchinsky.ru/>.

достоинства неоспоримы и в известной степени позволяют причислить его к разряду «кученого романа» с сохранением сюжетной динамики и авантюрного начала. Вполне живые, достоверные персонажи – протагонисты и антагонисты, а разнообразие их характеров создается отлично прописанными диалогами и великолепным языком.

Оценивая достоинства литературного мира Б.А. Толчинского, придется столкнуться с проблемой, которой не избежал автор этих строк в общении с автором книги. Мы настаиваем, что цикл не лишен фэнтезийной составляющей. Если принимать за эталон жанра «Аргениду» (А), то следует обратить внимание, что в романе отсутствует сакральная составляющая: нет оракулов, сверхъестественного вмешательства и иных подобных элементов. Если фантастика вообще может быть описана формулой «чудо + тайна + достоверность»²², тогда разобранный выше роман О. Елисеевой может быть назван фантастическим, ибо повествует о реальном мире, искаженном авторским допущением. Иначе говоря, даже божественное чудо не «взламывает» ткань бытия, а, совсем напротив, являет человечеству истинную реальность – на этом построены все религии. Б.А. Толчинский действует в том же направлении, но намного откровеннее, и далее всё зависит от интеллектуальных позиций читателя.

Литературный мир «Наследников Рима» может быть прочтен как фэнтези: «обычный» читатель зацепится, например, за Галльский пролив, отделяющий Италию от остальной Европы (БМЗ, с. 369), за цветущую Сахару, над которой на геостационарной орбите висит таинственный объект, излучающий божественный «эфир» – материальную основу всех высокоразвитых технологий Империи (БМЗ, с. 403), жрецов-телепатов и риши – искусственных интеллектов. Мир Империи в буквальном смысле божественный, поскольку сверхъестественные сущности занимают много места – от божественного императора до еретиков: отца и сына Ульпинов, которые активно действуют, находясь в нематериальной форме и возрождаясь. Сам автор обозначает свой цикл как «твердая альтернативная история» (БМЗ, с. 404–405), используя цитированное выше определение А. Кларка, что технология, развитие которой пошло иным путем и которая развилась до определенных пределов, воспринимается как магия. Самым же невероятным является рождение «Божественного мира» из реалий поздней Античности. Первое издание 1999 г. вводилось двумя «Интроверсиями», стилизованными под библейский стиль и снабженными эпиграфом из латинского псалма 41, стих 8 (НВ, с. 3–17). Как разъяснял позднее сам автор, это была попытка представить священное писание Империи, в котором излагалась официальная версия возникновения нового мира, не обязательно являющаяся описанием действительных событий (БМЗ, с. 411–412). Однако она до такой степени дезориентировала читателей, что была заменена «Краткой экспозицией» (БМ1, с. 3–5), а в конце первого тома была помещена самостоятельная «Легенда о Фортунате» (БМ1, с. 383–395).

Итак, автор настаивает, что его роман исторический, основываясь на беспорном тезисе, что история неотличима от литературы, и если написана талантливо, то читатель в нее верит (БМЗ, с. 413). У профессионального историка произошло расхождение с профессиональным читателем. Рецензенту очень импонирует

²² Определение Б.Н. Стругацкого (URL: <http://www.rusf.ru/abs/int/intt0101.htm>).

стремление Б.А. Толчинского как можно шире разъяснять смыслы и значение написанного им романа, который, поистине, стал смыслом и содержанием его жизни, за который пришлось заплатить несоразмерную цену, – кстати, именно этот аспект очень заметен в романе, и оттого рвет душу. Подробности – в социальных сетях и на личном сайте Бориса Аркадьевича.

Хотя роман един, но издан в трех книгах, каждая из которых получила отдельное заглавие: «Книга Варга» (части I–III), «Книга Софии» (IV–V), «Книга Януса» (VI–VIII). При непрерывности развития сюжета в каждой из частей сделаны акценты на тех или иных героях и на те или иные действия. Первая книга – история короля Галлии Варга, который после поражения в войне с Империей вынужден принять подданство божественного августа. Чтобы связать его, Варга женят на Доротее – дочери сенатора Корнелия Марцеллина, дяди и злейшего врага всесильной Софии Юстины, который одновременно и вожделеет ее, и искренне любит. В психологическом плане это, пожалуй, лучшая из находок автора: насквозь прожженный политик, испытавший в жизни все мыслимые наслаждения, включая самые запретные, искренне создал из такой же прожженной племянницы «гений чистой красоты». Во второй книге Варг поднимает восстание, наущаемый отцом и сыном Ульпинами – «еретиками», стремящимися взломать душную гармонию Империи. Третья часть – «Воскресшие и мстящие» – полностью оправдывает свое заглавие: все герои вынуждены расплачиваться за всё то, что осмелились пожелать. Возможно, автор стремился представить Софию Юстину как своего рода главный положительный персонаж в рамках созданного им мира, но при всей внешней привлекательности и интеллектуальности именно премьер-министр Юстина – самый инфантильный из персонажей. Она играет: может затянуть начало праздника из-за того, что увлеклась беседой с индийским мудрецом, может заигрывать со своим дядей в бассейне (эротические сцены у Б.А. Толчинского, пожалуй, не уступят флюберовским по пряности описаний), при этом совершенно равнодушна к своему законному мужу и детям, ибо власть и окружающие ее люди – это только лишь предметы игры. Когда ее любовник – прославленный полководец – перестает играть по правилам (возможно, София искренне считала, что выбирала между любовью и властью), она уничтожает его, но не со страстью отвергнутой женщины, а как избалованный ребенок смахивает с ковра надоевшую куклу. В этом отношении Варг является ее полной противоположностью, поскольку был изначально не искушен в эмпиреях политики, но не инфантилен, а вот избавление от иллюзий было для него болезненным во всех отношениях.

В каких декорациях разворачивается действие? Рождение Империи состоялось в середине V в., когда Атила победил Аэция на Католаунских полях, Италия и вся Европа была наводнена «варварами», а папа римский Лев I был убит. Сожжены и Константинополь, восточные провинции заполнены персами. Новым римским императором сделался некто Фортунат, истинное имя которого затерялось в веках. Он сказал: «Рим в наших сердцах» (НВ, с. 3). Разгромив вандалов Гейзериха в Карфагене, Фортунат стал строить новый римский мир в Африке. После падения пяти христианских епископатов на головы христиан обрушились репрессии новых властей, и церковь рухнула, обвиненная в крушении миропорядка. Взамен Фортунат и его наследники предприняли египтизацию

своей державы (совершенно верное допущение: последние записи египетским письмом, дошедшие до нас, датированы 452 г.), создав принципиально новую теократию, в которой объектом спасения является Держава, а не «воображаемое спасение души». Единственной реальной альтернативой в условиях краха греко-римской религии и неоплатонизма осталась египетская религия (НВ, с. 3–4). Иудаизм, будучи этнократией, в этих условиях выжил.

Аморийская Империя²³, занимая большую часть Африки и Ближнего Востока, подавляя отсталую Европу, предельно четко различает «чужих» и «своих», причем чужие – «варвары» – должны подчиняться единственной истинной вере и власти. В этом плане легко понять, что «эфир», «аватары» и прочее суть метафоры, которые нужно трактовать как в литературном контексте, так и в политическом. Аморийская держава, впитавшая в себя Египет, Элладу и Рим, – это обетование спасения, которое Империя несет равно всем. Но это не утопия, в которой счастье достается всем сразу и даром; Империя жестока и требует безоговорочного подчинения. В этом плане роман Б.А. Толчинского подлинно исторический, ибо, как нам кажется, он в наилучшей степени реконструировал психологию позднеантичной модели власти, да и вообще имперской власти.

Обожествление власти приводит к обожествлению единственного «Я» правителя, в результате чего возникают два полюса – лишенный человеческого бог-царь, своего рода «сверхчеловек» (Ф. Ницше был антиковедом), и все остальные, равные в своем «недочеловечестве», кем бы ни мнили себя. Ключевым для понимания этого является длинный монолог Софии Юстины в 32-й главе четвертой части (БВС, с. 128–138). Если этот монолог читать с позиций религиозно-научной, выясняется следующее. Обожествление механизма власти и обожествление своего «Я» не дают прорыва к абсолюту, поскольку нет трансцендентного измерения. Отказ от почитания государства трактуется как ересь и влечет за собой самые тяжелые последствия. Бог (со всей многослойной иерархией, явно заимствованной автором из гностицизма) есть механизм структурирования земного бытия, жертвы и культы нужны самим людям. Это именно греко-римская практичность – недоказуемость существования богов делает акт индивидуальной веры свободным, но такая свобода ограничена выбором конкретного бога.

Античная цивилизация глубоко чувствовала ограниченность полисного пространства, но Римская империя оказалась не в состоянии его преодолеть, так навсегда и оставшись «архипелагом полисов». Только христианство – на востоке в Византии и на западе в империи франков – сумело оплодотворить римское право трансцендентным содержанием. Церковь явилась первой универсальной надчеловеческой структурой. Никаких аналогов таких структур нет в Империи. Некие реликты христианского учения еще живут, о Христе так или иначе упоминают все-таки София Юстина и еретик Януарий Ульпин – герои, находящиеся на противоположных полюсах романного мира. Однако Ульпинам намного ближе карающий Бог Израилев, загнанный вместе со своим народом на далекую периферию. В свою очередь, «эфир» можно рассматривать, как сам автор рекомендует,

²³ Волею автора наследники Рима именовались аморийцами, от названия города в Малой Азии – прародины Фортуната. Старый Рим вообще не входит в состав Империи, а разговорным языком стал аморийский – наследник коптского, что связано с общей египтизацией религии и государства. Латынь и греческий также сохранили свои позиции в юриспруденции и культуре (см. (БМЗ, с. 416–419)).

«проклятием ресурсного потенциала», а можно и в духовном смысле – как некий наркоз, который позволяет не замечать бесконечности пространства и времени, «отягощенность счастьем». Пожалуй, только здесь можно угадать, что цикл создавался в середине смутных 90-х гг., когда огромную страну поманили свободой, благом и добром, причинив зло, отголоски которого не отпускают нас спустя четверть века. «Оглянитесь вокруг и увидите сами: “ульпины” одинаковы повсюду, что в альтернативной истории, что в реальной. Они скармливают людям, своим орудиям и жертвам, отравленную надежду. На крыльях свободы приносят лишь хаос и тьму, и отчаяние» (БМЗ, с. 423).

Источники

- ПУ – *Лернер М.* Практическая уфология. – М.: Центрполиграф, 2020. – 319 с. (Наши там).
- Сл. – *Славникова О.* Я люблю тебя, империя // Знамя. – 2000. – № 12. – URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/2000/12/ya-lyublyu-tebua-imperiya.html>, свободный.
- ДС – *Джованьоли Р.* Спартак: Роман / Пер. А. Ясной. – М.: Правда, 1985. – 624 с.
- М – *Джованьоли Р.* Мессалина: роман / Пер. М. Массура. – М.: Книголюб, 1993. – 378 с.
- ВИН – *Езерский М.* Власть и народ. Часть I. Гракхи. – М.: Терра – TERRA, 1994. – 368 с. (Власть и народ. Tetralogia Romana de Bellis Civilibus).
- ЯК – *Грейвз Р. Я, Клавдий:* Роман / Пер. с англ. Г. Островской. – Минск: Сказ, 1993. – 416 с. (Лабиринты истории).
- ПР – *Еске-Хоинский Т.* Последние римляне (роман) // Актея: Сб. ист. романов. – М.: Новая книга, 1993. – С. 211–571. (Всемирная история в романах).
- ФС – *Флобер Г.* Саламбо: Роман / пер. Н. Минского // Флобер Г. Госпожа Бовари. – М.: Амальтея, 1993. – С. 259–470. (Семейная библиотека).
- ЮО – *Мережковский Д.С.* Смерть богов (Юлиан Отступник) // Мережковский Д.С. Собр. соч. в 4 т. – М.: Правда, 1990. – Т. 1. – С. 25–306.
- Т – *Елисеева О.* Триумфатор: роман. – М.: Снежный Ком М, 2021. – 320 с. – (Бастион).
- АТ – *Флавий Филострат.* Жизнь Аполлония Тианского / Изд. подг. Е.Г. Рабинович; Отв. М.Л. Гаспаров. – М.: Наука, 1985. – 328 с. (Литературные памятники).
- ЗО – *Апулей.* Золотой осел: метаморфозы в 11 книгах / Пер. с лат. М. Кузмина; вступ. статья и коммент. С. Маркиша. – М.: Гослитиздат, 1956. – 279 с.
- Р – *Рабле Ф.* Гаргантюа и Пантагрюэль / Пер. Н. Любимова. – М.: Правда, 1981. – 560 с.
- НВ – *Толчинский Б.* Нарбоннский вепрь. – М.: Олма-пресс, 1999. – 432 с. (Империя).
- БВС – *Толчинский Б.* Боги выбирают сильных. – М.: Олма-пресс, 1999. – 446 с. (Империя).
- БМ1 – *Толчинский Б.* Нарбоннский вепрь (Книга Варга). – М.: Т8 RUGRAM, 2020. – 416 с. (Божественный мир).
- БМ2 – *Толчинский Б.* Боги выбирают сильных (Книга Софии). – М.: Т8 RUGRAM, 2020. – 412 с. (Божественный мир).
- БМ3 – *Толчинский Б.* Воскресшие и мстящие (Книга Януса). – М.: Т8 RUGRAM, 2020. – 452 с. (Божественный мир).
- А – *Barclay J.* Argenis / Ed. by M. Riley, D.P. Huber. – Assen, Tempe: Royal Van Gorcum; Arizona Center for Medieval and Renaissance Studies, 2004. – vii, 963 p. (Bibliotheca Latinitatis novae).
- QV – *Сенкевич Г.* Quo vadis? : Роман / Пер. с пол. Е. Лысенко; посл. и прим. А. Столярова. – Минск: Мастацкая літаратура, 1990. – 543 с. (Библиотека отечественной и зарубежной классики).

WP – *Robert W. Smith*. James Clavell’s Fabled Far East // *The Washington Post*. – 1981. – May 5. – URL: <https://www.washingtonpost.com/archive/lifestyle/1981/05/05/james-clavells-fabled-far-east/e9b61355-af48-479c-84e5-69c53825981a/>, свободный.

Литература

1. *Фрумкин К.Г.* Философия и психология фантастики. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 240 с.
2. *Мартынов Д.Е.* СССР как утопия в российской фантастике XXI века // *Грани науки*. – 2015. – Т. 3, № 3. – С. 11–17.
3. *Розанов В.В.* Опавшие листья: Короб второй и последний // *Розанов В.В. Уединенное*. – М.: Политиздат, 1990. – С. 203–370.
4. *Мищенко Ф.* Классицизм, в образовании // *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона*. – СПб.: Изд. о-во Ф.А. Брокгауз – И.А. Ефрон, 1895. – Т. XV: Керосин – Коайе. – С. 301–305.
5. *Балина М.* Детская историческая проза: к вопросу о жанровой специфике // *Детские чтения*. – 2018. – Т. 13, вып. 1. – С. 114–141.
6. *Семанов В.И.* Эволюция китайского романа: конец XVIII – начало XX в. – М.: Наука, 1970. – 344 с.

Поступила в редакцию
05.01.2021

Мартынов Дмитрий Евгеньевич, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры алтаистики и китаеведения

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: dmitrymartynov80@mail.ru

ISSN 2541-7738 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2021, vol. 163, no. 1, pp. 190–205

REVIEW ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2021.1.190-205

**The Ancient Past and Fiction,
or about the Construction of Worlds by Humanities Scholars:
A Review of Books**

D.E. Martynov

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia
E-mail: dmitrymartynov80@mail.ru

Received January 5, 2021

Abstract

This paper reviews three novels by different modern authors, all published in 2020 and applying to the realities of Ancient Rome. Marik Lerner’s science fiction novel “Practical Ufology” fits within the subliterary genre of “accidental travel”, and any background information from the Roman-Byzantine

life is not very appropriate in the adventure text. The new novel “The Triumphant” by Olga Eliseeva, a professional historian, can be labeled as a form of the “science novel” genre, because it has numerous references and “anchors” that only an educated person is able to understand. The main canvas of O. Eliseeva’s novel is a synthesis of the personalities and actions of Julius Caesar and Constantine the Great, so the writer used the motif of the fantasy world, in which the Roman Republic and Rome are replaced by Latium and Eternal City with the Nazarenes (i.e., Christians) playing an important role in its future. The trilogy “Divine World” by Boris Tolchinsky, a professional politologist, is the most radical inversion of the reality with its own alternative history. The world of the Amorian Empire is a synthesis of the ancient Mediterranean and the ancient Egyptian civilizations. These texts can be considered as “imperial literature” tied to the post-Soviet realities and projects aimed to find a better future.

Keywords: science fiction, fantasy, alternative history, literary world, antiquity, Ancient Rome

References

1. Frumkin K.G. *Filosofiya i psikhologiya fantastiki* [Philosophy and Psychology of Science Fiction]. Moscow, Ed. URSS, 2004. 240 p. (In Russian)
2. Martynov D.E. The USSR as a utopia in Russian science fiction of the 21st century. *Grani Nauki*, 2015, vol. 3, no. 3, pp. 11–17. (In Russian)
3. Rozanov V.V. Fallen leaves: Basket second and last. In: *Uedinennoe* [The Secluded]. Moscow, Politizdat, 1990, pp. 203–370. (In Russian)
4. Mishchenko F. Classicism in education. In: *Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona* [Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary]. Vol. XV: Kerosene – Coyet. St. Petersburg, Izd. O-vo. F.A. Brokgauz – I.A. Efron, 1895, pp. 301–305. (In Russian)
5. Balina M. Children’s historical prose: On the problem of genre specificity. *Detskie Chteniya*, 2018, vol. 13, no. 1, pp. 114–141. (In Russian)
6. Semanov V.I. *Evolutsiya kitaiskogo romana: konets XVIII – nachalo XX v.* [Evolution of the Chinese Novel: Late 18th to Early 20th Centuries]. Moscow, Nauka, 1970. 344 p. (In Russian)

Для цитирования: Мартынов Д.Е. Античность, fiction, или о построении миров гуманитариями: рецензия на книги // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2021. – Т. 163, кн. 1. – С. 190–205. – doi: 10.26907/2541-7738.2021.1.190-205.

For citation: Martynov D.E. The ancient past and fiction, or about the construction of worlds by humanities scholars: A review of books. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2021, vol. 163, no. 1, pp. 190–205. doi: 10.26907/2541-7738.2021.1.190-205. (In Russian)